

16+

Владимир Бровко
ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ
МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА

Владимир Бровко

**Подлинная история жизни и
смерти Михаила Ломоносова**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бровко В. П.

Подлинная история жизни и смерти Михаила Ломоносова /
В. П. Бровко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Данная книга представляет собой новую версию биографии российского
ученного-химика и литератора Михаила Ломоносова.

© Бровко В. П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Вступление	5
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вступление

В этой книге мы с вами уважаемый читатель откроем одну из спорных страниц российской истории, той самой «истории» что была заново «написана» на основе так называемой «нормандской теории» происхождения древнерусского государства – под условным названием «Киевская Русь». И эта работа по созданию «основ»-«правильной российской истории» была проделана рядом иностранных историков, приглашенных еще царем Петром Первыми его наследниками в созданную Российскую Академию наук.

Понадобилась же эта «нормандская теория» царям из династии Романовых в первую очередь для обоснования их родословной от предводителя скандинавских варягов Рюрика, но затем после окончательного переформатирования истории Московского царства эта «нормандская теория» была официально положена уже в основу и всей «древней части»- «новой» Российской истории!

При этом все другие научные теории образования первого славянского государства «Киевская Русь» и постепенного перехода великокняжеской власти из Киева в Москву объявлялись не научными и враждебными «русской нации», поскольку они отрицали роль «великороссов» как государствообразующего элемента!

Но, как довольно верно учит русская пословица «в семье не без урода», то и вскоре во вновь созданной Российской Академии наук появился один, исторически известный персонаж «попавший» в мировую историю, под именем «Михаила Васильевича Ломоносова». Который не будучи историком по образованию! (а в лучшем случае химиком), тем не менее сильно, на уровне «дилетанта-историка» увлекшись изучением «древней истории славянских народов», затем открыто выступил против «нормандской теории» и в связи с чем как говорится «наломал в российской науке «немало дров».

Причем так уже исторически сложилось, что отголоски этой «старой битвы» еще время от времени проявляют себя уже в стенах современной нам Российской Академии наук, когда там время от времени «поднимают головы настоящие российские патриоты» из числа «последователей великого русского ученого М. В. Ломоносова и грозно вопиют на разные голоса:

Миллионы – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!

Что же касается личности самого М. Ломоносова, то он как ученые признавался и в Российской империи, но не более того, но вот власть в России в 1917 году вследствие вооруженного переворота сменилась и тут наконец СЛАВА нашла М. Ломоносова!

Ведь по сути с 30-х годов прошлого века г. с подачи российских –большевиков коммунистов, образ М. Ломоносова, как простого «крестьянского сына» был преднамеренно и не по заслугам «возвеличен» в своих «научных достижениях до той степени почитания, что в СССР был создан «культ личности Ломоносова» причем в степени «священной коровы» советской науки и даже литературы! Ибо и тут наш герой успел порядком как говорится «наследить».

Хотя если уж и говорить о «происхождении» М. Ломоносова то, как давно уже доказали ряд независимых историков, что наш «Михаил Ломоносов», при своем рождении не только не носил фамилию «Ломоносов» (по отцу, толи Дорофеевым, толи Федоровым), да и вообще «он не был сыном своего отца»!

Ибо, как выяснилось в дальнейшем, являлся незаконно рождённым сыном вышеупомянутого русского императора Петра Первого.

И в этой работе, автор попытается выяснить истину обобщив все ему известные на сегодня факты запутанной биографии Ломоносова, а также изучив его научную и обществен-

ную деятельность, чтобы наконец понять, когда, и где он родился, где воспитывался и кем, где и чему учился!

А заодно и выяснить какой РЕАЛЬНЫЙ научный вклад в российскую науку! им был внесен в действительности, что ему было потом «задним числом» приписано официальными российскими историками.

Так же автор попытается разобраться в хитросплетения семейного быта М. Ломоносова и взаимоотношениях с представителями правящей в России царской династии Романовых, в результате чего, у нас, **как видится автору вырисовывается невероятная картина «приключений» беглого государственного крестьянина Михаила Ломоносова, который вместо сибирской каторги (за побег с места жительства, самовольного присвоения поповского, а затем и «дворянского звания» для своего поступления в так называемые Законоспаскую высшую школу (Академию) в Москве, а когда это преступный факт был достоверно установлен то его вместо сибирской каторги, почему то отправляют на учебу в Германию.**

Но и в Германии он нигде постоянно не учился, предпочитая просто, в перерывах между пьяными загулами и картежной игрой, посещать лекции в качестве «вольного слушателя»! в нескольких немецких университетах, а также проходить своего рода «производственную практику» у немецких профессоров.

Но и эти периоды «учебы» прерывались Ломоносова длительными периодами загулов, когда из России поступали деньги как «стипендия» и плата за обучение.

В итоге он рассорился со всеми своими преподавателями и забросил учебу, но успел при этом без разрешения руководства Российской академии или даже русского посла в Германии тайно жениться на немке (протестантке) и прижить с ней дочь!

После чего очевидно опасаясь своей «принудительной депортации Россию» и скорого строгого суда! М. Ломоносов пытаясь «оторваться» от преследовавших его российских сыщиков, будучи загнанным ими как говорится «в угол», срочно «завербовался в прусскую армию» и там послужил более года.

Далее М. Ломоносов совершает невероятный побег со своего воинского подразделения (вернее с крепости где был расквартирован его полк) и я вернулся в Санкт-Петербург, где в Российской академии наук, все руководители тоже как по команде «закрывают глаза» на его «подвиги» в Германии, и он вскоре, «неведомыми путями» становится, во-первых, русским дворянином!!, а во-вторых затем профессором химии!!! И далее более того сумел дослужиться и до высоких чинов в «Табеле о рангах» и так же получил несколько деревень с крепостными крестьянами.

Но, уже в первой части, которая является по авторскому замыслу так сказать «преамбулой» я попытаюсь вначале показать, что же писали в России и в мире о Михаиле Ломоносове до 1917 года и что после. Это нужно чтобы читатель, во-первых, поновил свои школьные познания и во-вторых был подготовлен к понимаю всех перипетий жизни Ломоносова, отличай при этом уже самостоятельно, где о нем историки писали правду, а где явную псевдопатриотическую ложь!

Часть 1

Положение Михаила Ломоносова в российской истории

А начнем мы наше повествование, с полного цитирования важнейшего российского энциклопедического источника «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.» и вот что там сказано о Ломоносове в изложении незаслуженно забытого ныне киевского профессора П. Владимирова.

(Справка: П. В. Владимиров -профессор университета св. Владимира по кафедре русского языка и словесности; род. в Казани в 1854 г.; оставленный по окончании образования в Казанском университете для приготовления к профессорскому званию, В. занялся изучением древнерусских рукописей и старопечатных книг в московских и петербургских книгохранилищах.

В 1885 г. защитил в Казани магистерскую диссертацию "Великое Зерцало", а в 1888 г. за соч. "Доктор Франц. Скорина, его переводы, печатные издания и язык" получил в Петербурге степень доктора русской словесности. Кроме вышеупомянутых сочинений, можно отметить еще "Очерки из истории общественного движения на Севере России во второй половине XVII в." ("Ж. М. Н. П.", 1879), "Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст." ("Чтение в Общ. Нестора летописца", кн. IV) и несколько статей о Гоголе ("Киев. унив. изв.", 1891).

«Ломоносов (Михаил Васильевич, 1711-1765) – знаменитый поэт и ученый. Он был первым русским, который с полным правом мог стоять наряду с современными ему европейскими учеными по многочисленности, разнообразию и самобытности научных трудов по физике, химии, металлургии, механике и др. Первоклассные ученые XVIII в., как Эйлер, Вольф и др., отдавали справедливость таланту и трудам Л.

Современные нам русские ученые находят у Л. блестящие мысли по естествознанию, опередившие свой век. Но Л. по условиям времени не мог вполне отдаться науке и был преимущественно замечательным популяризатором естествознания.

Главная заслуга Л. состоит в обработке русского литературного языка; в этом смысле он был "отцом новой русской литературы".

Кроме прозаического языка для научных сочинений, для торжественных речей, Л. создал и поэтический язык, преимущественно в своих одах.

Он дал также теорию языка и словесности в первой русской грамматике и риторике.

Почти целое столетие господствовала эта теория в русской литературе, и во имя ее в начале настоящего столетия открылась борьба последователей Шишкова против Карамзина и его школы; более значительное изменение в русской литературной речи произошло только с Пушкина, отрицавшего "однообразные и стеснительные формы полуславянской, полулатинской" конструкции прозы Л. ("Мысли на дороге", 1834).

Опыты Л. в эпосе, трагедии и истории были менее удачны, и он уже в свое время должен был уступить в них первенство другим писателям.

Литературная слава Л. создалась его "одами", в которых он является последователем европейского ложноклассицизма.

Как национальный поэт, Л. в одах проявил сильный и выразительный язык, часто истинное поэтическое одушевление, возбуждавшееся в нем картинами великих явлений природы, наукой, славными событиями современной истории, **особенно деятельностью Петра Великого, наконец – мечтаниями о славной будущности отечества.**

Как безусловный патриот, "для пользы отечества" Л. не щадил ни времени, ни сил.

В массе проектов и писем он, как публицист и общественный деятель, излагал свои мысли о развитии русского просвещения и как истый сын народа – о поднятии народного благосостояния. Современники называли его "звездой первой величины", "великим человеком", "славным гражданином" (Дмитревский, Штелин).

Пушкин, осуждавший прозу Л., сказал о его значении: "Л. был великий человек.

Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый русский университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом".

По официальным данным М. Ломоносов родился в Архангельской губ., в Куроостровской волости, в деревне Денисовке, Болото тож, близ Холмогор, в 1711 г. (как значится на могильном памятнике Л. в Александро-Невской лавре; иные свидетельства указывают на 1709, 1710 и даже 1715 гг.; см. Пекарский, "История Академии Наук" II, 267), от зажиточного крестьянина Василия Дорофеева Ломоносова и дочери дьякона из Матигор Елены Ивановой.

У отца Л. была земельная собственность и морские суда, на которых он занимался рыбной ловлей и совершал далекие морские разъезды с казенной и частной кладью.

В этих разъездах участвовал и юный Михаил, с таким одушевлением вспоминая впоследствии в своих ученых и поэтических сочинениях Северный океан, Белое море, природу их берегов, жизнь моря и северное сияние.

В литературной деятельности Л. отчасти отразилось также влияние народной поэзии, столь живучей на севере России. И в грамматике, и в риторике, и в поэтическ. произведениях Л. мы находим отражение этого влияния. Еще Сумароков упрекал Л. "холмогорским" наречием.

На родине же Л. слышался о Петре Великом и напился церковнославянской книжной стариной, которою жили поморские старообрядцы. Отчасти под этим последним влиянием, отчасти под влиянием матери Л. выучился грамоте и получил любовь к чтению.

Но мать Л. рано умерла, а мачеха не любила его книжных занятий: по собственным его словам (в письме к И. И. Шувалову, 1753), он "принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод".

Грамотные куроостровские крестьяне Шубные, Дудины и Пятухин, служивший приказчиком в Москве, снабжали Л. книгами, из которых он особенно полюбил славянскую грамматику Мелетия Смотрицкого, Псалтирь в силлабических стихах Симеона Полоцкого и Арифметику Магницкого.

Эти же крестьяне помогли Л. отправиться в Москву для обучения наукам в 1730 г.

Сохранились записи в волостной книге куроостровской волости взносов подушной подати за М. Л. с 1730 по 1747 г., причем с 1732 г. он показывался в бегах.

После различных мытарств Л. попал в Московскую "славяно-латинскую" академию или "школу", в которой преподавали питомцы киевской академии.

Здесь Л. изучил латинский язык, пиитику, риторикку и отчасти философию. О своей жизни этого первого школьного периода Л. так писал Я. И. Шувалову в 1753 г.: "имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как за денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды.

Таким образом жил я пять лет (1731-1736), и наук не оставил".

Не без основания предполагают, что в этот период Л. побывал в Киеве, в академии. Описание днепровских берегов в "Идиллии Полидор" (1750) свидетельствует о живых впечатлениях Л. от "тихого Днепра", который "в себе изображает ивы, что густо по крутым краям его растут"; поэт упоминает волов, соловья, свирелки пастухов, днепровские пороги и проч.

В архиве Киевской духовной акд. нет никаких следов о пребывании в академии Л., но рассказ первого жизнеописателя Л., Штелина (Пекарский, "История Акд. Наук", II, стр. 284), вполне вероятен.

Уже в московской акд. Л. написал стихи, которые впервые напечатал акад. Лепехин в описании своего "Путешествия": "Услышали мухи медовые духи, прилетевши сели, в радости запели. Егда стали ясти, попали в напасти, увязли по ноги. Ах, плачут убоги: меду полизали, а сами пропали".

Несомненно, что изучение пиитики и риторики в московской акд. имело значение в развитии Л. как поэта и оратора, хотя главным образом ему способствовало дальнейшее образование за границей.

Счастливая случайность – вызов в 1735 г. из московской академии в академию наук 12 способных учеников – решила судьбу Л.

Трое из этих учеников, в том числе Л., были отправлены в сентябре 1736 г. в Германию, в марбургский унив., к "славному" в то время проф. Вольфу (см.), известному немецкому философу. Л. занимался под руководством Вольфа математикой, физикой и философией и затем еще в Фрейберге, у проф. Генкеля, химией и металлургией, всего пять лет.

Вместе с похвальными отзывами о занятиях Л. за границей руководители его не раз писали о беспорядочной жизни, которая кончилась для Л. в 1740 г. браком в Марбурге с Елизаветой-Христиной Цильх, дочерью умершего члена городской думы.

Беспорядочная жизнь, кутежи, долги, переезды из города в город были не только последствием увлекающейся природы Л., но и отвечали общему характеру тогдашней студенческой жизни.

В немецком студенчестве Л. нашел и то увлечение поэзией, которое выразилось в двух одах, присланных им из-за границы в акд. наук: в 1738 г. – "Ода Фенелона" и в 1739 г. – "Ода на взятие Хотина" (к последней Л. приложил "Письмо о правилах российского стихотворства"). Эти две оды, несмотря на их громадное значение в истории русской поэзии, не были в свое время напечатаны и послужили только для акд. наук доказательством литературных способностей Л.

Между тем, с "оды на взятие Хотина" и "Письма о правилах российского стихосложения" начинается история нашей новой поэзии.

С большим поэтическим талантом, чем Тредьяковский, раньше выступавший с теорией тонического стихосложения, Л., указывая на "неосновательность" принесенного к нам из Польши силлабического стихосложения, предлагает свою версификацию, основанную на свойствах русского яз., на силе ударений, а не на долготе слогов. Замечательно, что уже в этом первом опыте Л. является не поклонником рифмачества, а указывает на значение и выбор поэтических слов, на сокровищницу русского яз. —

После разных злоключений (вербовки в немецкие солдаты, побега из крепости Везель) Л. возвратился в Петербург в июне 1741 г.

В августе того же года в "Примечаниях к Петербургским Ведомостям" (ч. 66-69) помещены были его "Ода на торжественный праздник рождения Императора Иоанна III" и "Первые трофеи Его Величества Иоанна III чрез преславную над шведами победу" (обе оды составляют библиографическую редкость, так как подверглись общей участи – истреблению всего, что относилось ко времени имп. Иоанна Антоновича).

Несмотря на оды, переводы сочинений иностранцев-академиков и занятия по кабинетам, студент Л. не получал ни места, ни жалованья. Только с восшествием на престол Елизаветы Петровны, в январе 1742 г., Л. был определен в акд. адъюнктом физики.

В 1743 г. Л. обращается к переложению в стихи псалмов и сочиняет две лучшие свои оды: "Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния" и "Утреннее размышление о Божием величестве".

В этом же году Л. вследствие "продерзостей", непослушания конференции акд. и частых ссор с немцами в пьяном виде более семи месяцев "содержался под караулом" и целый год оставался без жалованья; на просьбы о вознаграждении для пропитания и на лекарства он получил только разрешение взять академических изданий на 80 р.

В прошении об определении его проф. химии (1745) Л. ничего не говорит о своих одах, упоминая только о своих "переводах физических, механических и пиитических с латинского, немецкого и французского языков на российский, о сочинении горной книги и риторики, об обучении студентов, об изобретении новых химических опытов и о значительном присовокуплении своих знаний".

Назначение в академию – профессором химии – совпало с приездом жены Л. из-за границы. С этого времени начинается более обеспеченная и спокойная жизнь Л. среди научных трудов, литературных занятий и лучших общественных отношений.

В 1745 г. он хлопочет о разрешении читать публичные лекции на русском языке, в 1746 г. – о наборе студентов из семинарий, об умножении переводных книг, о практическом приложении естественных наук и проч.

В предисловии к сделанному им тогда же переводу Вольфовой физики Л. определительно и понятно рассказал об успехах наук в XVII-XVIII вв.

Это была совершенная новинка на русском языке, для которой Л. должен был изобретать научную терминологию.

Такое же популяризированное изложение науки проявилось в академических речах Л. о пользе химии и пр.

С 1747 г., кроме торжественных од, Л. должен был составлять стихотворные надписи на иллюминации и фейерверки, на спуск кораблей, маскарады, даже писать по заказу трагедии ("Тамира и Селим", 1750; "Демофонт", 1752).

В 1747 г. по поводу утверждения имп. Елизаветой нового устава для академии и новых штатов Л. написал знаменитую оду, начинающуюся известными стихами: "

Царей и царств земных отрада, возлюбленная тишина, блаженство сел, градов ограда, коль ты полезна и красна!".

Здесь поэт воспел и свой идеал, свой кумир – Петра Великого ("Послав в Россию человека, какой не слыхан был от века"), а вместе с ним и науки – "божественные чистейшего ума плоды" ("науки юношей питают, отраду старым подают").

В одной из заключительных строф этой оды Л. восклицает:

**"О вы, которых ожидает отечество от недр своих,
и видеть таковых желает,
каких зовет от стран чужих,
о ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
раченьем вашим показать,
что может собственных Платонов
и быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать".**

Есть в этой оде кое-что заимствованное из древних классических писателей, из которых Л. в том же году сделал стихотворные переводы.

Между тем Л. продолжал свои научные занятия физикой, химией и издавал латинские диссертации, находившие полное одобрение со стороны таких заграничных ученых, как берлинский академик Эйлер.

Благодаря вниманию Эйлера Л. добился, наконец, устройства химической лаборатории (1748).

В 1748 г. при академии возникли исторический департамент и историческое собрание, в заседаниях которых Л. повел борьбу против Миллера, обвиняя его в умышленном поношении славян, Нестора летописца и других российских авторитетов и в предпочтении, отдаваемом иностранцам.

В том же году он издал первую на русском языке риторику, воспользовавшись не только старыми латинскими риториками Кауссина и Помея, но и современными ему работами Готшеда и Вольфа. Между литературными и научными трудами Л. существовала самая тесная связь; лучшая его ода, "Вечернее размышление", полная поэтического одушевления и неподдельного чувства, по словам самого Л. содержит его "давнейшее мнение, что северное сияние движением Ефира произведено быть может".

И стихом, и русским языком Л. владел лучше, чем два других выдающихся литератора его времени – Тредьяковский и Сумароков.

Последние вели с Л. постоянную борьбу, вызывая на споры о языке, о стиле и литературе. Иногда эти споры, по условиям времени, принимали и грубую форму; но Л. всегда выходил из них победителем.

В торжественном собрании академии наук в 1749 г. Л. произнес: "Слово похвальное имп. Елизавете Петровне", в котором, как и в одах, прославлял Петра Великого и науки в их практическом приложении к пользе и славе России.

Похвалы императрице обратили внимание на Л. при дворе, а в академии создали ему немало завистников, во главе которых стоял сильный Шумахер.

Около 1750 г. Л. нашел "патрона" в лице любимца имп. Елизаветы, И. И. Шувалова, к которому поэт написал несколько задушевных писем в стихах и в прозе, имеющих ценное автобиографическое значение.

В одном из них Л. говорит о себе: **"вспомняни, что мой покоя дух не знает, вспомняни мое раченье и труды.**

Меж стен и при огне лишь только обращаюсь; отрада вся, когда о лете я пишу; о лете я пишу, а им не наслаждаюсь и радости в одном мечтании ишу".

В это время Л. был особенно занят мозаикой, стеклянными и бисерными заводами.

В 1751 г. Л. напечатал первое издание своих сочинений: "Собрание разных сочинений в стихах и прозе" (1400 экз.).

По приказанию президента акад., гр. Разумовского, Л. сочинил "российскую речь ученой материи", выбрав предметом "Слово о пользе химии" (1754 г., 6 сентября).

Слово начинается доказательствами превосходства "учения" европейских жителей перед дикостью "скитающихся американцев"; далее говорится о важном значении математики для химии, об ожидаемых результатах дальнейшего движения науки.

Это "Слово", как и последовавшие затем слова – "О явлениях воздушных от электрической силы происходящих" (1753), "О происхождении света, новую теорию о цветах представляющее" (1756), "О рождении металлов от трясения земли" (1757), "О большей точности морского пути" (1759), "Явление венеры, на солнце наблюденное" (1761) – ясно указывают на самостоятельные опытные труды Л. в широкой области "испытания натуры".

Замечательна манера научного изложения у Л.: обращение от отвлеченных научных понятий к обыденной жизни, в частности – к жизни русской.

Ежегодно Л. печатал латинские диссертации в академич. изданиях.

В 1753 г. Л. получил привилегию на основание фабрики мозаики и бисера и 211 душ с землей в Копорском у.

В это именно время он написал свое известное дидактическое стихотворение: "Письмо о пользе стекла" ("Неправо о вещах те думают, Шувалов, которые стекло чтут ниже минералов").

Через Шувалова Л. имел возможность провести важные планы, например, основание в 1755 г. московского университета, для которого Л. написал первоначальный проект, основываясь на "учреждениях, узаконениях, обрядах и обыкновениях" иностранных университетов".

В 1753 г. Л. долго занимал вопрос об электричестве, связанный с несчастной смертью проф. Рихмана, которого "убило громом" во время опытов с машиной.

Л. писал Шувалову о пенсии семье Рихмана и о том, **"чтобы сей случай не был про- толкован противу приращения наук"**.

"Российская Грамматика Михаила Ломоносова" вышла в 1755 г. и выдержала 14 изданий (перепечат. в "Ученых Записках 2 отд. акад. наук", кн. III, 1856, с предисл. академика Давыдова).

Несмотря на то, что "Грамматика" Л. основана на "Грамматике" Смотрицкого, в ней много оригинального для того времени: Л. различал уже буквы от звуков и, как естествоиспытатель, определял происхождение звуков анатомо-физиологическое и акустическое; говорил о трех наречиях русского яз. (московском, северном и украинском), изображал фонетический выговор звуков в словах.

В примерах Л. нередко приводит личную свою жизнь: "стихотворство моя утеха, физика мои упражнения".

В 1756 г. Л. отстаивал против Миллера права низшего русского сословия на образование в гимназии и университете.

Прямота и смелость Л. тем более поразительны, что он не раз подвергался тяжелым обвинениям и попадал в щекотливое положение (см. Пекарский, стр. 488: "Дело тобольского купца Зубарева о руде" и стр. 603: "О богопротивном пашквиле Л. – Гимн бороде"). "Гимн бороде" (1757) вызвал грубые нападки на Л. со стороны Тредьяковского и др. В 1757 г. И. И. Шувалов содействовал изданию сочинений Л., с портретом автора, в Москве, во вновь учрежденной университетской типографии.

В этом собрании появилось впервые рассуждение Л. "О пользе книг церковных в российском языке".

Это "Рассуждение" объясняло теоретически то, что было совершено всей литературной деятельностью Л., начиная с его первых опытов 1739 г., т. е. создание русского литературного языка.

В церковной литературе Л. видел множество мест "невразумительных" вследствие включения в перевод "свойств греческих, славенскому языку странных". В современной ему русской литературе Л. находил "дитя и странные слова", входящие к нам из чужих языков.

Свою теорию "чистого русского слова" Л. построил на соединении яз. церковнославянского с простонародным российским, разумея под последним преимущественно московское наречие.

Вообще в "рассуждении" Л. признавал близость русского яз. к церковнославянскому и близость русских наречий и говоров друг к другу – большую, чем, напр., между немецкими наречиями и др.

Учение о штилях Л. основывал на различии следующих "речений" – слов русского яз.:

- 1) общеупотребительных в церковнославянском и русском,
- 2) книжных по преимуществу, исключая весьма обветшалых и неупотребительных,
- и 3) простонародных, исключая "презренных, подлых слов".

Отсюда Л. выводил три "штиля": высокий, из слов славенороссийских, для составления героических поэм, од, прозаичных речей о важных материях; средний – "не надутый и не подлый", из слов славенороссийских и русских, для составления стихотворных дружеских писем, сатир, эклог, элегий и прозы описательной; низкий – из соединения среднего стиля с простонародными "низкими словами", для составления комедий, эпиграмм, песен, прозаических дружеских писем и "писания обыкновенных дел".

Эта стилистическая теория Л. вместе с синтаксическим построением Ломоносовской литературной речи в периодах и создала русский литературный яз. XVIII в. – язык поэзии, ораторского искусства и прозы.

Насколько современники и такие покровители Л., как Шувалов, почитали поэта и ученого, видно из следующих стихов Шувалова, помещенных под портретом Л. в издании 1707 г.: "Московской здесь Парнас изобразил витию, что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию, что в Риме Цицерон и что Virgilius был, то он один в своем понятии вместил, открыл натуры храм богатым словом Россов, пример их остроты в науках – Ломоносов".

Даже враг Л., Сумароков, позднее говорил про него: "он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен".

Около этого времени Л. переехал с казенной академической квартиры в собственный дом, существовавший на Мойке до 1830 г.

В 1759 г. Л. занимался устройством гимназии и составлением устава для нее и университета при академии, причем всеми силами отстаивал права низших сословий на образование и возражал на раздававшиеся голоса: "куда с учеными людьми?"

Ученые люди, по словам Л., нужны "для Сибири, горных дел, фабрик, сохранения народа, архитектуры, правосудия, исправления нравов, купечества, единства чистых веры, земледельства и предзнания погод, военного дела, хода севером и сообщения с ориентом".

В то же время Л. занимался по географическому департаменту собиранием сведений о России. В 1760 г. вышел из печати его "Краткий российский летописец с родословием".

В 1763 г. он начал печатать "Древнюю Российскую историю от начала российского народа до кончины вел. кн. Ярослава I, или до 1054 г." (она вышла уже по смерти Л., в 1766 г.).

Несмотря на тенденциозность русской истории Л., на риторическое направление ее, в ней замечательно, по словам С. М. Соловьева ("Писатели русской истории XVIII века"), пользование иностранными источниками о славянах и древней Руси, а также сближение древних языческих верований с простонародными обрядами, играми и песнями.

В 1760-1761 гг. Л. напечатал неоконченную героическую поэму "Петр Великий".

Несмотря на слабость этой поэмы, она замечательна по изображению севера России – родины Л. Сумароков не преминул посмеяться в стихах над поэмой Л.

Напрасно Шувалов, отчасти в виде шутки, старался свести и помирить двух знаменитых писателей.

Л. отвечал Шувалову длинным письмом, в котором с обычным сознанием своего высокого значения и достоинства писал: "не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет". В целом ряде бумаг, которые писал Л., напр., по поводу "приведения академии наук в доброе состояние", он проводил мысль о "недоброхотстве ученых иноземцев к русскому юношеству", к его обучению.

Обращаясь постоянно с просьбами по общим и своим личным делам, Л. иногда тяготился таким положением, завидуя в стихах (1761 г., "Стихи, сочиненные по дороге в Петергоф") кузнечнику, который "не просит ни о чем, не должен никому" и жалуясь в письмах на необходимость "кланяться подьячим".

В знаменитом письме "О сохранении и размножении русского народа" (1761) Л. является замечательным публицистом; недаром он несколько раз хлопотал, но безуспешно, об издании

газеты или журнала. Он говорит в этом письме о необходимости хорошей врачебной помощи, об уничтожении суеверий народных, об излишнем усердии к постам, о праздничных излишествах, неравных браках.

Кроме того, Л. имел в виду коснуться вопросов "об истреблении праздности, о исправлении нравов и о большем народа просвещении, о исправлении земледелия, о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств, о лучших пользах купечества, о лучшей государственной экономии и о сохранении военного искусства во время долговременного мира". Замечательно, что письмо это могло появиться в печати в своем полном виде только в 1871 г., а до того времени допускалось к печатанию только с значительными урезками.

После восшествия на престол Екатерины II, в 1762 г., Л. написал "Оду", в которой сравнивал новую императрицу с Елизаветой и ожидал, что Екатерина II "златой наукам век восставит и от презрения избавит возлюбленный Российский род".

В одах 1763-65 гг. Л. приветствовал великие начинания Екатерины на пользу русского просвещения и воспитания.

Эти оды сливаются с одами Державина; у Л. мы уже находим такие слова, обращенные к императрице: "Народну грубость, умягчает, И всех к блаженству приближает Теченьем обновленных прав". В 1764 г. была снаряжена экспедиция в Сибирь под влиянием сочин. Л. "О северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном".

В это же время Л. издал "Первые основания металлургии" и начал готовить труд по минералогии.

В конце жизни Л. был избран в почетные члены стокгольмской и болонской академий.

В июне 1764 г. Екатерина II посетила дом Л. и в течение 2-х часов смотрела "работы мозаичного художества, новоизобретенные Л. физические инструменты и некоторые физические и химические опыты".

При отъезде императрицы Л. подал ей стихи.

До конца жизни Л. не переставал помогать родным своим, вызывал их в Петербург и переписывался с ними.

Сохранилось письмо Л. к сестре, написанное за месяц до его смерти, последовавшей 4 апреля 1765 г., на второй день Пасхи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.